

МЕНДЕЛЕЕВЪЦ

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА имени Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

№ 29 (1872)

Среда,

10 октября

1990 г.

Издаётся с 1929 г.

Цена 2 коп.

ВЗРЫВ

В. РОЖКОВ, председатель студсовета:

— Мы смотрели по телевизору футбол. Комната, где мы сидели, находилась как раз над той, в которой произошел взрыв. Минут за пять до окончания матча, т. е. в 19.40, услышали очень сильный взрыв, спугнувший стаю ворон над лесом, и звон разбившегося стекла. Мы даже зааплодировали — вот дал физхим! Через одну-две минуты услышали удар о крышу подвала. Впечатление было такое, будто сбросили банку с водой.

Абитуриенты ИФХ, жившие во время сдачи экзаменов в 180-й комнате:

— Мы услышали взрыв и стали смотреть вниз из окна. Через несколько минут из окна какого-то из этажей высунулся парень, сел на подоконник, пошел немного, раскачался и прыгнул. Мы вначале подумали, что он хочет спрыгнуть в траву, но он упал на край крыши подвала и свалился оттуда вниз. Мы ждали, когда он поднимется, но он не поднялся. Наконец, внизу показались люди и побежали к нему.

Из сводки происшествий по городу за 09.07.88 г.:

«В 19.40 по адресу В. Липица, 40, корпус 1, кв. 108 произошел взрыв самодельной взрывчатой смеси; в момент взрыва в комнате находились студент МХТИ Драгунов и абитуриент Малеваник».

МАЛЕВАНИК, абитуриент:

— Меня поселили в 111-ю комнату, в которой жил Драгунов. Позже он переехал в 108, а в 111 заходил за вещами. В этой комнате я в то

Это было в сентябре. Два года назад. Тогда в общежитии в Тушине прозвучал взрыв. Погиб молодой человек. Смерть вообще событие страшное, тем более — такая жуткая. Все, что вы прочтете ниже, — свидетельства очевидцев этого ЧП. Они говорят сами за себя. В свое время мы не решились на их публикацию, пощадили читательские нервы. Но в прошлом году в общежитии снова побывала беда... И снова погиб студент. Мы хотим, чтобы в первую очередь этот материал прочли первокурсники.

время жил один, ко мне еще никого не подсадили. 9 июля примерно в 4 или 5 часов вечера Сергей зашел и предложил пойти к нему попить чаю. Я взял печенье и конфеты и мы пошли.

Из протокола осмотра комнаты:

«На кухонном столе возле двери — белый кристаллический порошок, кулек из металлической фольги толщиной в 1 мм, чайник с теплой водой, две пачки конфет (одна надорвана), фарфоровые осколки, пятна крови».

МАЛЕВАНИК:

— Мы попили чай и Сергей предложил мне показать кое-что интересное. Он насыпал в бумажный кулек смесь алюминиевой пудры с иодом, капнул в нее воды и бросил из окна. Из кулика повалил малиновый дым. Потом он сказал, что покажет еще более интересное и стал растирать, сидя за столом, бертолетку и фосфор в фарфоровой ступке.

А. НЕСМИЯН, председатель студкома:

— Мы с Андреем Харитоно-вым сидели в 104-й комнате и

смотрели футбол. За 5–6 минут до конца матча раздался глухой удар, будто где-то недалеко бросили лист железа на землю. Буквально через минуту мы услышали крики «Помогите!». Кричали так, что мы тут же выскочили из комнаты. Я даже вилку со стола схватил — мало ли что.

В конце коридора поднимался густой дым, а из него, шатаясь, вышли два человека. Я схватил первого за руку и дотащил до двери 104-й комнаты, где его, кажется, принял Андрей. Потом побежал ко второму. Только тогда, когда увидел его руку (на ней не было двух пальцев и торчала кость), понял, что был взрыв, а до этого я все смотрел в конец коридора — кто мог их так избить. Второй почти не мог идти, мне показалось, что одна нога у него выбита в колено, и я закричал ему, чтобы он ложился на пол и не вставал.

Потом я повернулся к девочкам, которые стояли у теннисной комнаты и сказал, чтобы перевязали обоих. Андрей к тому времени побежал звонить, но не зная об этом, я вызвал лифт, чтобы спуститься к телефону.

МАЛЕВАНИК:

— Сергей сидел за столом и растирал вторую порцию, первую он уже засыпал. Я сидел рядом с ним и смотрел. Вдруг — вспышка и сильный грохот. Когда я встал с пола, Сергей вместе со стулом лежал. Я помог ему встать, увидел изуродованную руку. Мы выбрались из комнаты — он впереди, я — сзади, помогая ему. Тут мне стало больно и я закричал.

А. НЕСМИЯН:

— Я почему-то решил, что эти двое — из 109-й, практиканты из Одессы. Прежде чем подъехал лифт, я успел спросить первого (он уже сидел возле теннисной комнаты), что они делали. Он ответил, что взрывали бертолетку. Тут я не сдержался и сказал ему что-то неласковое... Тут как-раз приехал лифт.

Житель одного из соседних домов:

— Я шел из леса и вдруг увидел падающего из окна человека. Я побежал на вахту общежития и сказал: «Быстрее вызывайте скорую — у вас человек выпал!»

А. НЕСМИЯН:

— Андрей уже вызвал «скорую», пока я добирался вниз, и тут кто-то забежал в корпус и крикнул: «У вас человек упал!» Первое, что я подумал — их было трое, третьего выбросило. В комнату же никто из нас зайти не догадался. Мы выскочили на улицу, стали искать упавшего.

Абитуриенты из 180-й комнаты:

— Из-за крыши мы видели только его ногу. Он даже не шевелился, а мы ждали, когда он встанет. Мы не знали, с какого этажа он спрыгнул.

В. РОЖКОВ:

— К нам в комнату кто-то забежал и сказал, что на физхиме выпал человек. Мы не поверили, и я посмотрел в окно. Из-под крыши подвала была видна нога. Тогда я побежал на улицу.

А. НЕСМИЯН:

— Я увидел его не сразу и не там, где почему-то ожидал увидеть. Наклонился, увидел его руку с оторванными пальцами и понял, что это тот парень, которого я оставил в коридоре лежать.

В. РОЖКОВ:

— Когда я подбежал к подвалу, то увидел, что Толя лежит у него пульс на шее. Потом Толя сказал: «Вроде еще жив». Потом отошел в сторону и стал кому-то наверху что-то кричать.

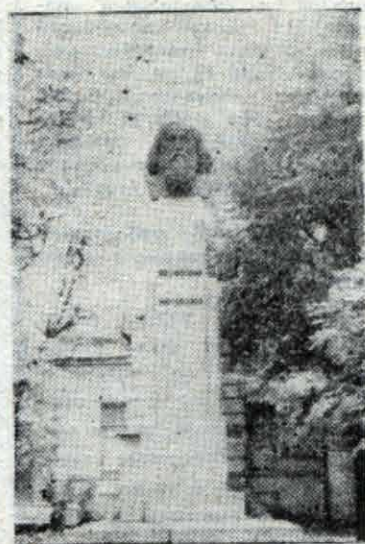
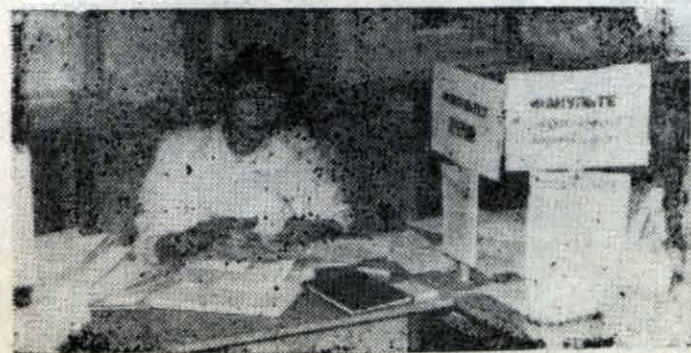
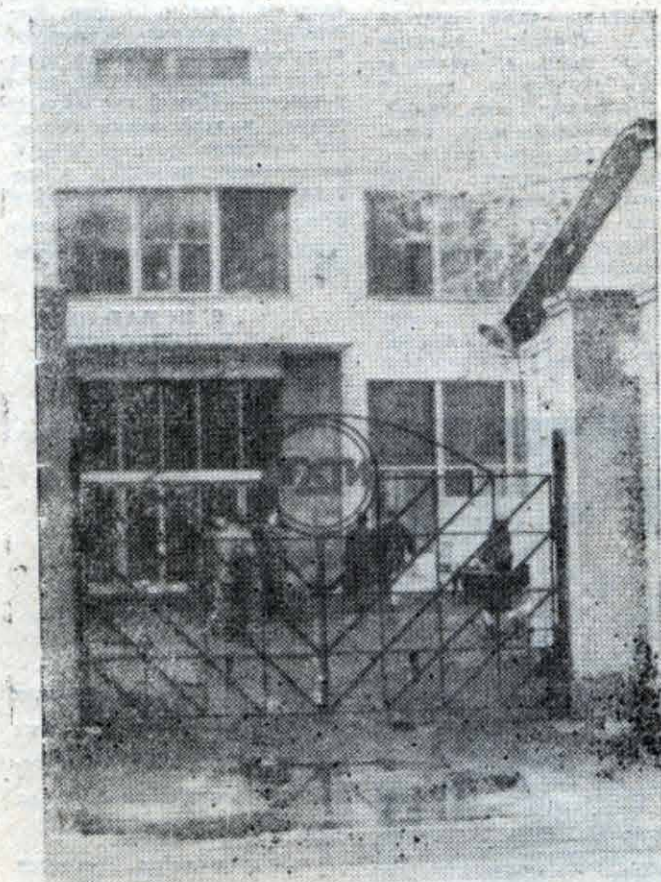
А. НЕСМИЯН:

— Народу из окон выпало уйма, у меня кто-то с третьего этажа стал спрашивать, жив ли еще парень, а я в тот момент подумал, что кто-нибудь может войти сейчас в ту комнату и подорваться. И я стал кричать, чтобы туда не заходили, а кто умеет перевязывать, пусть идут на 9-й этаж и перевяжут человека. Потом я снова наклонился над выпавшим. У него изо рта шла кровь вперемежку с пеной. Я тогда еще подумал, что раз пена, значит дышит.

(Окончание на 2 стр.)

И ЭТО ВСЁ О НАС...

Фото С. АРАЛОВА, А. МЕРЗЛЯКОВА

АМБУЛАТОРИЯ
КАБИНЕТЪ
ИСПЕКТРИЮЩАГО
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
ТЕХНИЧЕСКАЯ
ВИБЛЮТЕКА

ВЗРЫВ

(Окончание. Начало на 1 стр.)

В. РОЖКОВ:

— Я не стал Толе втолковывать, что уже бесполезно что-то делать, он был в состоянии шока. Он стал на меня орать — что я тут хожу, лучше бы пошел поймал машину. Но на дороге уже стоял кто-то с физхима, и Толя закричал ему тоже самое.

А. НЕСМИЯН:

— Дальше — стыдно вспомнить. Как в детектив играл. Стал всем говорить, чтобы близко не подходили, следы (какие следы?) не затирали. Тут кто-то, Андрей или Игорь Мигулевский, привели легковушку и стали ее разворачивать. Когда мы его подняли, он провис, местах в четырех, тут я уже понял, что все напрасно — столько переломов позвоночника, да еще сломанная шея. Легковушка подъехала к поликлинике. Девушка из компании, которой принадлежала машина, стала говорить мне, что она медсестра и что парень уже умер. Я стал искать у него пульс и увидел, что рот и нос у него забиты сгустками крови. Тогда мы решили положить его на землю и отпустили машину, тем более, что компания была слегка «навеселе» и панически боялась встречи с милицией. Мы его вытащили и Игорю стало плохо.

Машина ушла, а я сел рядом с трупом и стал ждать, когда же кто-нибудь подъедет. Первыми показались пожарники, чего я, признаться, не ожидал. Потом подъехала «скорая». Врач взглянул и поехал в корпус. А тут как раз подходит ко мне старушка и говорит, мол, за что ты, сынок, так его? Вид у меня соответствующий — кроме штанов и тапочек на мне нет ничего, в зубах сигарета и руки в крови. Да тут еще собака ходит рядом — я ее отгоняю. Решил, от греха подальше, сдать свое «дежурство» пожарнику, который тут подошел. Я пошел в корпус, а тут как раз и милиция подоспела. Как раз вовремя — минут через сорок. Отловили меня и на допрос.

Из протокола осмотра комнаты:

«На стуле находится чехол из искусственной кожи с химическими реактивами в заводской и самодельной упаковке. На крышке нисменного стола — круглое отверстие диаметром около 12 см, на столе находится рассыпанный белый порошок. На кровати возле стены — оторванный большой палец. На полу возле кровати находится фаланга пальца».

В. СМЕРНОВ, работавший в вечернем комендантом в общестроении ИФХ:

— Когда я увидел отца Драгунова, тот был прямо черный. Когда он вошел в 108-ю, то раздавил в руке свои часы, увидев кровь, следы рук на стене, разбросанные вещи сына. В общем, я не мог больше на него смотреть. А мать его прямо с электрички сняли и отправили в больницу.

А. НЕСМИЯН:

— Я за эти четыре часа устал смертельно. Голова пустая — никаких мыслей. Зашел в свою комнату, присел, а тут вдруг в коридоре урчание какое-то. Этаж почти пустой, канюкулы... Меня прямо в дрожь бросило. Вскочил, а это кошка тапочки Драгунова облизывает, а они все в крови, и оторвать ее — никакой возможности. Вот тут мне первый раз за все это время стало страшно.

О. УСАНЬ,
С. БАСОВИЧ.

НЕ ХИМИЕЙ ЕДИНОЙ

«Мисс Москва», «Мисс СССР», «Мисс Вселенная»... Что еще?

Валерий Иванович Иванко, директор КСК, решил организовать студенческий конкурс красоты: сначала институтский, потом городской, а дальше... Но не будем загадывать, тем более, что до сих пор проведение институтского конкурса под вопросом.

Итак, чего же хочет Валерий Иванович? Отобрать девочек, научить их двигаться по сцене, танцевать, подавать себя. Потом провести два отборочных тура, а финал превратить в гигантское шоу, посвященное 70-летию МХТИ. Победитель конкурса студенче-

ТАК БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

ский профком обещал поездку в Париж. Кроме того, победитель институтского конкурса выйдет на городской конкурс. Договоренность с институтами о городском конкурсе есть, но нет договоренности со спонсорами. Вернемся к нашему конкурсу, почему же он под угрозой срыва?

— Нам нужны деньги, чтобы одеть девочек, заплатить балетмейстеру, оформить зал, — говорит Валерий Иванович. — На все это нам нужно минимум тысяч тридцать, а ректор обещал всего-навсего три. Это же несерьезно.

То, что наш институт не страдает отсутствием денег, не секрет. В том, что на юбилей будут отстегнуты круглые суммы, можно не сомневаться.

Так почему же не дать денег на студенческую тусовку, чтобы она запомнилась всем? Как-никак праздник...

— Если бы нам дали самостоятельность, то мы бы сами все организовали без дополнительных субсидий, но я же ничего не смогу сделать самостоятельно. На проведение любого мероприятия необходима виза директора студгородка, а для него на первом месте порядок, а уж потом студенческие нужды. А какой может быть порядок там, где веселится молодежь? И я это понимаю.

Дискоотеки, студенческие кафе, просто тусовки, кружки, секции, много чего еще. Замыслов у директора хоть отбавляй, только развяжите ру-

ки! К сказанному надо добавить, что в КСК полно помещений, где могли бы разместиться различные кружки. Но эти комнаты заняты всевозможными административными службами, и Валерий Иванович не в состоянии их оттуда выселить.

Удивительно то, что руководство института, призванное заботиться о нуждах студентов, абсолютно глухо к просьбам директора. И организация конкурса красоты это еще раз показала.

— Такое впечатление, что до досуга студентов, кроме меня, никому нет никакого дела.

А жаль...

М. ПАВЛОВ.

„КТО ТАКОЙ В ЭТОЙ СКАЗКЕ ТАРТАЛЬЯ?“

И, поджав соседу локтем в бок, зритель размещает свои розовые торчащие уши как раз напротив самой середины сцены — так, что сидящему сзади только уши и видны, прозрачные, светящиеся отраженным светом тонких свечей у рамп. И действия-то пока никакого нет: есть открытые двери с золотым крылатым зверем на каждой створке, есть блестящий розовый занавес, который раздвигается, как только артисты, привлеченные светом свечей, потянутся на сцену. Каждый артист легко помещается в ладони, ладонь скрывает артиста, а деревянный ящик с двухстворчатой дверью скрывает в себе театр.

Механизм прост: металлическая спица опускает на сцену куклу... А впрочем, никакой «механикой» такого театра не объяснить — причем здесь спицы, ткань, папье-маше, если даже семилетнему зрителю — тому, с оттопыренными ушами, — ясно, как бедный день, что самое главное вовсе не это, и не снег или дождь за окном, и не уроки завтра. Главное то, что сказочные — значит, абсолютно живые — люди страдают, радуются, погибают, побеждают. Это называется так: Бродячий кукольный театр «Вертеп».

«Бродячий» — понятно сразу; ящик с куклами в одной руке, в другой посох, на голове — вареник, гордо именуемый шляпой, — и пыльные дороги, прохладные и проводящие сквозь города и деревни, и сквозь время, конечно, —

иначе как попал бы вертеп из семнадцатого века в двадцатый? А «кукольный» — потому что и тогда, и сейчас все началось с куклы, непонятным образом оживающей в руках.

Александр Эммануилович Греф, преподаватель МХТИ, придумал игрушечный вертеп — макет настоящего, двухэтажного — театр, в котором куклы будут играть дети. Придумал одно — получилось другое. Игра вдруг посерьезнела, играть в театр показалось мало, театр нужно было создавать.

Артисты на блестящих спицах обжили квадрат сцены деревянного ящика. Толпнутся возле рамп, взмахивают руками герои сказок Гоцци, фольклорных представлений. Нарисованы декорации, собралась вертепщица... Правда, пять — шесть спектаклей, и две трети состава вертепщиков обновляется. Сам Греф, студентка финансово-экономического института Лариса Соколова и Наталья Селиваненко из эстрадно-циркового училища — вот, пожалуй, и все профессионалы вертепа. Профессионалы, если понимать под этим словом упрямую приверженность своему делу, ежедневную работу «на благо» театра. Другие вертепщики через театр проходят, задерживаясь всего на несколько представлений. Так и задумано — в ворота с надписью «вход» входит такой человек, а ворота с надписью «выход» выпускают его уже немножко другим: может быть — лучше, может быть — добрее...

Каргопольский район Архангельской области, Великий Устюг... Приезжают в район шесть человек, говорят, что, мол, артисты они, с ними в ящике — вот он — театр, спрашивают у солидных людей в роно: куда театру поехать, где нужна его помощь, где его ждут? И заметьте — ничего не просят и уверяют солидных людей, что спектакли бесплатные, и их гастрольный районному отделу народного образования ни во что не обойдется. «Я задаром продаю» — «Ой, как дорого!»

Им не верят — серьезно спрашивают: «А зачем это вам?». То, что ничего не просят — подозрительно, и бескорыстие — непонятно, и предложение помощи — раздражает, бессмыслица какая-то.

А бессмыслица скрывает, как ладонь, куклу, как ящик — театр, — ясный-ясный смысл: счастливые воспоминания зрителей — вот зачем начал бродяжничать вертеп. Два десятилетия мальчишки — все детское население деревни — зрители, пять школьников — почти вся школа в полном составе — тоже зрители вертепа. Зрители, впервые увидевшие театр, утоновшие в сумерках сказочного другого мира, узнавшие тот самый, благословенный момент, который наступает еще до того, как поднимут занавес: почти предчувствие Нового года — и обещание самому себе стать кем-то очень замечательным и жить непременно прекрасно и никак иначе. Только счастливые воспоминания, явившиеся когда-то потом, в самый нужный момент — помогают

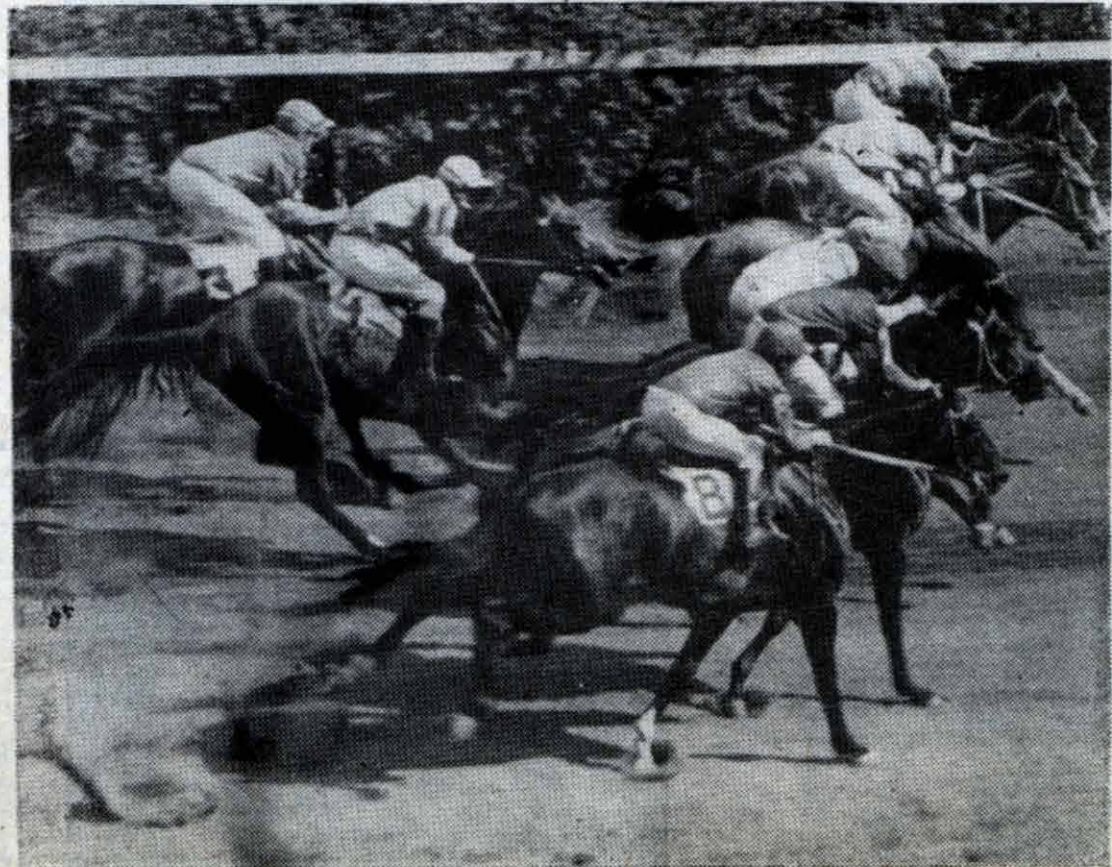
нам выжить. (До сих пор Греф ругает себя за то, что не добрался вертеп до какой-то очень уж дальней деревни — дорога была разбита — до единственного, ждавшего театр зрителя).

Спектакли вертепа бесплатные, но за билеты на поезд до того же Великого Устюга, за гостиничные номера театру платить приходится. И театр ищет открытые души и щедрых людей (счастливым случаем подарил научно-производственную фирму ТЭКО — но тут истинно счастливый случай должен стать системой).

Вот так-то: чтобы осуществить мечты — построить новый, «двухэтажный» вертеп, получать деньги за свою работу, регулярно и без предварительного — неперменного пока — унижения, необходимо разрешить «взрослую» проблему дебетов и кредитов, будто сказки пишутся в бухгалтерских книгах...

А закончить о вертепе хочется все-таки полетом: от начала, когда действие на сцене принимается вращаться осевым листом, и шен плененных зрителей неизменно вытягиваются — к концу представления, когда гаснут свечи у рамп — Новый год явно не скоро... у этой песни больше нет куплетов... — когда жалобно готовится повиснуть в воздухе просьба: «Не уезжайте! Возьмите с собой! Могу свечи тушить, могу занавес открывать, могу быть зрителем!»

Е. ИСМАЙЛОВА,
Е. ДУБРОВСКАЯ,
(«Шарманщик»)

НАША РЕКЛАМА

Первокурсник!

Если тебя еще не замучили тяжелые проблемы, если ты бодр и весел, предлагаем тебе попробовать свои силы на сцене.

В конце октября состоится конкурс агитбригад I курса.

Всех желающих принять участие ждем в студенческом профкоме ежедневно с 12 до 17 часов.

Спешите видеть, слышать, участвовать!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ

Наше время отличается пристальным вниманием и интересом людей к памятникам старины. Профкомом института были организованы туристические поездки по разным маршрутам нашей Родины. Во время путешествий сотрудники познакомились с древней и современной историей крупных и небольших городов, с их культурой, жизнью и памятниками прошлого, сохранившимися до наших дней.

МЫ СОВЕРШИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ В МУРОМ — город, который является одним из древнейших городов на Руси, первое упоминание о нем относится к 862 г. Немного сохранилось здесь памятников архитектуры. Однако те, что есть, являются гордостью, русского зодчества. Подлинными жемчужинами считаются ансамбли Благовещенского и Троицкого монастырей, Воскресенская и Введенская церкви XVII века.

НЕ ОСЛАБЕВАЕТ ИНТЕРЕС ТУРИСТОВ К ГОРОДУ НА НЕВЕ — ЛЕНИНГРАДУ. Чтобы описать его, недостаточно только сказать: это город исключительной красоты, город богатой историей. Недостаточно, ибо на свете немало прекрасных городов с тысячелетней историей. В сравнении с ними 285-летний Петербург — Петроград — Ленинград очень молод. Однако, в отличие от других, более древних городов, он не складывался стихийно с течением веков, а был построен в сравнительно короткое время и, что важно, по единому и в основном последовательно реализованному замыслу. Одна из главных особенностей Ленинграда состоит в том, что при его строительстве органично слились традиции русского зодчества, с од-

ной стороны, и привнесенные классические каноны европейской архитектуры — с другой. Этот сплав вековых традиций с новыми веяниями и придал городу тот самобытный облик, который сделал его не похожим ни на один другой в мире. 28 театров, более 70 кинотеатров, 236 клубных учреждений, а также библиотеки, число которых достигает более 2000, 47 музеев, в том числе всемирно известные Эрмитаж и Русский музей — все это Ленинград. Впрочем, как известно, нельзя объять необъятное, тем более за несколько дней пребывания в городе.

СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА ПОЗНАКОМИЛИСЬ С ГОРОДОМ ИВАНОВО И ПАЛЕХОМ — СТАРИННЫМ СЕЛОМ. В 1871 г. промышленно развитое село Иваново и Вознесенский Посад были объединены в город Иваново-Вознесенск. Он представлял собой крупный промышленный центр. В Иванове каждый камень дышит революционной историей. С большим интересом осматривают посетители экспонаты в историко-краеведческом музее, здание которого построено специально для музея местным меценатом фабрикантом Д. Г. Бурылиным.

Неподалеку от Иванова находится село Палех, которое славится искусством замечательных мастеров лаковой миниатюры. Палех — одно из первых гнезд иконописных промыслов Владимиро-Суздальской Руси. Отвечая на вопрос Гете о происхождении суздальской иконописи, Карамзин утверждал, что она есть подражание византийской, которая вошла в Россию вместе с христианской верой при Владимире. Греческие живописцы были учителями наших, из ко-

их знаем св. Алимпия Печерского в XI веке. Далее Карамзин рассуждал: «С которого времени суздальцы занимают преимущественно иконописью? Думаю, со времен Андрея Боголюбского: он призвал во Владимир византийских художников и пека о введении искусства в Суздальском великом княжении». Художники Палеха стремятся к тому, чтобы их искусство не отрывалось от плодотворной почвы веков, обогащало и возвышало человека, дарило радость, передавало во всем многоцветии образ России.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА БЕРЕГА НЕМАНА — одной из живописнейших рек Европы, где стоит древний город Гродно, крупный промышленный и культурный центр Белоруссии, запомнится надолго. Первое письменное сообщение о Гродно содержится в Ипатьевской летописи под 1128 годом. По свидетельству летописца, он входил в состав древнерусского государства, был столицей удельного княжества и играл важную роль в политической жизни.

Сохранившиеся рукописи позволяют воссоздать в общих чертах облик древнего Гродно. Состоял он из трех основных частей: крепости — кремля, торгово-ремесленного посада и Борисо-Глебского монастыря. Сегодня шпили и купола храмов чередуются с высотками промышленных объектов; на фоне зеленых парков розовеет облицовка новых жилых зданий — и все это, вместе с голубой лентой реки, создает впечатление особой гармонии.

ПОВЫВАЛИ МЕНДЕЛЕЕВЦЫ В ГОРОДЕ ВИЛЬНО-СЕ. Впервые упоминается этот город в исторических документах как столица Литовского

феодалного государства в 1323 г., когда великий князь литовский Гедиминас в своих письмах назвал его «королевским городом». С середины XVII и до конца XVIII века в Вильно господствовал барокко, оставивший заметные следы в архитектуре, скульптуре и живописи (костелы Петра и Павла доминиканцев, Казимира, Катарини и некоторые другие). Из памятников архитектуры периода классицизма дошли до нашего времени обсерватория, городская ратуша, кафедральный собор. В 1795 году после третьего раздела Речи Посполитой Вильно отошел к России и стал губернским городом.

ДРУГОЙ МАРШРУТ ЗНАКОМИТ НАС С ПАМЯТНИКАМИ АРХИТЕКТУРЫ, КОТОРЫЕ НАХОДЯТСЯ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГРУЗИИ — КАХЕТИИ. На территории Кахетии сохранились памятники архитектуры с IV до XVIII века, создающие цельную картину развития этого края. По словам академика Г. Н. Губина, посвятившего архитектуре Кахетии фундаментальное исследование, возведенные из самого простого материала памятники Кахетии производят впечатление «только и исключительно законченности своих архитектурных форм и завершенностью создаваемого ими пространства».

СОВЕРШЕНО ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД ВИТЕБСК, которому более тысячи лет. С древнейших времен город снискал себе славу ратника. Недаром на его старом гербе изображен скачущий всадник с копьем и щитом. Военскую славу города приумножили витебские дружины под предводительством Александра Невского. Настоящими рыцаря-

ми, храбрыми воинами проявляли себя витебчане в сражениях под знаменами Ивана Грозного и Петра I, в Отечественной войне 1812 года. Тяжелейшим испытанием для витебчан, как и для всех советских людей, стала Великая Отечественная война. 26 июня 1944 года — славная дата в истории Витебска. В этот день он был освобожден от гитлеровских оккупантов. Город лежал в развалинах, в подвалах домов уцелело только 118 человек. Такого опустошения Витебск не знал за всю свою многовековую историю.

ХАТЫНЬ — ЭТОТ СИМВОЛ ВЕЛИКОЙ ТРАГЕДИИ — стала местом увековечения памяти всех жертв фашизма, всех советских людей, погибших на белорусской земле. Менделеевцы побывали в этом мемориале. Фашистские варвары превратили в руины 209 белорусских городов и городских поселков, 9200 сел и деревень. Хатынь не одна; 186 деревень вместе с людьми сожжены на белорусской земле. Под склонами березами здесь горит трепетное пламя, зажженное от Вечного огня с площади Победы в Минске.

Исключительно богата история нашего государства. «Гордиться славою своих предков не только можно, — писал А. С. Пушкин, — но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие». И наше знакомство с памятниками истории и культуры позволяет не просто ощутить их красоту, но и рассмотреть новыми глазами на окружающую действительность, заметить в ней гораздо больше прекрасного и ценного, чем кажется в повседневности.

В. ХОЛУПКО.

ОТ ФИННОВ К ШВЕДАМ

Как хорошо, когда избавляешься от массы первых, самых ярких впечатлений, и можешь перевести дух.

К Хельсинки я уже привык и путешествую по нему один, чувствуя себя вполне свободно и раскрепощенно. Постепенно освоился с системой транспорта (в котором можно не уступать, если не сидишь на местах для инвалидов), покупок (когда в магазин ходишь без сумки — яркий полиэтиленовый пакет всегда обеспечен) и манерой держаться — не толкаться и быть всюду доброжелательным и уверенным в себе.

Я был убежден, что из-за сложившегося образа жизни финны, без исключения, не боязливы. Так вот, один раз на малолюдной улице я обратился к вопросом «Который час?» к проходившей мимо девушке лет 20—25. Вытянув руку вперед, я указал на запястье, на случай, если она не понимает по-английски. В следующий момент я буквально ошеломился от неожиданности: девушка молниеносно отпрыгнула в сторону и испуганно вскинула руки ладонями вперед. Придя в себя, я повторил вопрос и, так как меня начал разбирать смех, она облегченно вздохнула и ответила с извиняющейся улыбкой.

Этот случай несколько ошеломил меня, я так и не понял, почему наделал столько переполоха, но с удовлетворением пришел к выводу, что финны еще не утратили инстинкта самосохранения при кажущемся спокойствии и уверенности в полной безопасности. К счастью, остальные прогулки и путешествия не были отмечены подобными неожиданностями.

Приятно, находясь в другой стране, чувствовать себя полноправным ее гражданином или же, как в данном случае, разыгрывать человека с Запада (относительно Финляндии!). Покупая у водителя трамвая билеты, я одно время отвечал по-шведски заученную фразу «Так со мюкет», то есть боль-

шое спасибо, пока мне не посоветовали отвечать по-английски или по-фински («скинтос»), потому что финнам не очень приятно вспоминать то, что их родина была не только Великим княжеством в составе России, но и долгое время — шведской провинцией, что отразилось на ее судьбе очень сильно: даже при русских многие зажиточные горожане и дворяне были шведами, а шведский язык до середины прошлого века был единственным государственным.

Впрочем, не думаю, что «спасибо» по-шведски задело бы водителей междугородних автобусов. С ними вообще не понятно как можно общаться. Они понимают только по-фински, правда, выходят на положение, призывая на помощь других пассажиров. Путешествие в междугородних автобусах доставляет удовольствие: народу немного, все сидят, а за окном — красивые виды. Я решил съездить в старый город Порвоо, находящийся в часе езды от столичного центра в противоположном направлении от Тапиолы и Отаниеми, то есть в сторону советской границы.

Хельсинки сильно вытянулся на восток, и автобус долго идет по городским улицам. За плотно застроенными старыми домами центром, расположенным на полуострове, и залитом с островами начинаются новые районы со свободными стоящими зданиями и коттеджами. Местность все больше напоминает пригородную, чаще попадаются пустыри и открытые пространства, но это еще столица. Кажется, что находишься в глубине страны, и близость центра ощущается гораздо меньше, чем в пригородах Тапиолы и Отаниеми. Шоссе проходит вдоль линии метро, проложенного по поверхности. Среди неброского

пейзажа ярко-красные вагоны проходящих поездов смотрятся особенно празднично.

В Хельсинки одна линия (впрочем, не в каждом полумиллионном городе есть и такое удобство). Под землей лишь три остановки, но я представляю, сколько труда и усилий вложено в прокладывание тоннеля в граните, ведь даже потолки станций имеют неровную поверхность: попробуйте отшлифуйте ее! А когда прислоняешься носом к окну вагона, видно, как поезд несет тебя по скальным коридорам, и стены тоннеля — не бетон, а гранитные породы.

Под землей никакого грохота и оглушающего стука: поезд идет удивительно мягко, отъезжая от станции с почти фантастическим завыванием. Подземные вестибюли красивыми не назовешь: ни лепных украшений, ни барельефов, ни мозаик, ни колонн, так привычных москвичу, но к такой аскетичной простоте дизайна хельсинкских станций относишься с большим уважением, нежели к аляповатости «барочных» сводов. Стиль финского метро, проложенного совсем недавно, действительно привлекает настоящей современностью, присущей концу XX века. Впрочем, и хельсинкское метро не полностью лишено «музейности». На одной из станций можно полюбоваться выставкой старинных керамических печей.

Тяжелые условия строительства позволили финнам создать такой метрополитен, о котором можно сказать словами классиков: «не роскошь, а средство передвижения».

Наконец, линия метро сворачивает куда-то в сторону, и мы выезжаем из города. Природа... Как жаль, что приходится все время спешить и видеть ее только из окна ав-

тобуса или по TV. Здесь настоящая тайга, густые сосновые леса. И совершенно забываешь, что столица совсем рядом, в каком-нибудь километре отсюда. Нигде не видно свалок, складов и всякого прочего, что часто сопутствует окрестностям наших городов.

Неожиданно лес расступается, автобус переезжает речку, и перед нами — панорама старинного города, основанного шведами в далеком средневековье. Мы в Порвоо.

Город полностью деревянный с 1-о и 2-х этажными домами, карабкающимися на холм на левом берегу реки. На вершине — церковь (по моему, это единственное каменное сооружение) с высокой крышей, куда более высокой, чем стоящая здесь рядом колокольня. Вдоль берега тянутся красивые амбары и домики, совершенно не оставляя места для набережной. Какое там! Даже по мостам, нависающим над рекой, опасно ходить, того и гляди, соскользнешь в воду.

Да простят мне финны, но я все равно называю городок по-шведски — Борго. Так звучнее, тем более к шведам он имеет не меньшее отношение, чем к финнам (около половины жителей города говорят только по-шведски).

«Борго» в переводе означает не то «река у города», не то «город у реки», но это не важно, ведь они неразлучны и удивительно гармонично сочетаются друг с другом.

Борго делится пополам главной улицей (как и в столице, это опять же Mannerheimintie) на старую и новую части. Старая, на холме, необыкновенно колоритна и сохранилась почти в том же виде, в котором была в последнее столетие правления шведов — в XVIII веке. Здесь все словно игру-

шечное и театрализованное: и домики-«макеты» с вывесками, и флюгеры (например, в виде гребцов в лодке), и улочки (лучше сказать, проемы между домами), и их громкие шведские названия, уж никак не соответствующие ширине «в раскнутые руки», и часто неожиданный их перевод, вроде улицы «Следа молодой невесты».

Старый Борго уютен и выглядит по-домашнему: все близко — двери, окна, карнизы, до всего можно дотянуться рукой. Когда-то в этих домах жили скромные бедные семьи, что можно предположить, глядя на всеобщую тесноту. Но со временем жизнь Старого города изменилась, и в нем поселились наиболее уважаемые горожане. К примеру, этот дом. С виду — совершенно не примечательный: дощатые стены, одно окно на улицу. Зато в окне — великолепная хрустальная люстра, непонятно каким образом втиснутая в такое помещение.

В Борго я попал, к несчастью, в понедельник, когда почти во всех музеях выходной. Зато друзья, пригласившие меня, показали нечто лучшее, чем обыкновенные «мертвые» музеи — ювелирную мастерскую. Я увидел колоссальное количество старинных, наверно, 200-летней давности приспособлений и орудий, которыми пользуются до сих пор. А чем, собственно плох, например, «молок» для изготовления ложек?

Мне дали в руки увесистый угловатый металлический предмет (я так и не понял, как он называется и для чего служит) и с гордостью объявили, что лет 100 назад им работал знаменитый русский ювелир по фамилии Фапоши. «Кто-кто?» — переспросил я, лихорадочно пытаясь вспомнить гениального соотечественника. — «Ты что, не знаешь великого Фапоши? Вот темнота!» Но где же мне было знать какого-то ювелира, видимо, выходца из Венгрии,

(Окончание на 4-й стр.)

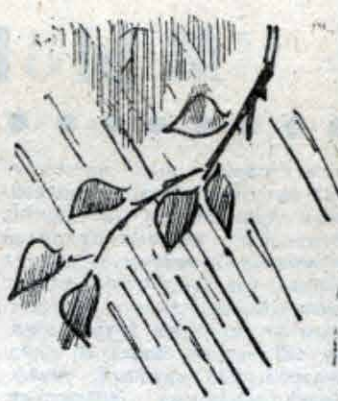
ВНИМАНИЕ:

НОВАЯ
РУБРИКАДЖОН
КОЛЬЕЛИТЕРАТУРНОЙ
СТРАНИЦЫ:
НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Возвращение к Рождеству

Джон Коле (1901 г.р.)

Хотя этот писатель известен в Англии более как сатирик, его короткий и динамичный рассказ «Возвращение к Рождеству» относят к лучшим образцам так называемых «террор-сториз». Здесь нет ни вампиров, ни ведьм, ни вообще чего-либо потустороннего, лишь неумолимая власть рока, управляющая человеческой судьбой по своему усмотрению и иногда даже позволяющая себе сыграть с несчастной жертвой в поддавки, но никогда — проиграть.

ОТ ФИННОВ
К ШВЕДАМ

(Окончание. Начало на 3 стр.)

Потрясенные моей бескультурностью, хозяйки мастерской решили просветить меня и достали книгу о нем. Не открывая и первой страницы, я просветился: на обложке крупными буквами было выведено «FABERGE». «Фа-бер-р-же», повторили с трудом за мной, чуть не плачущие от радости хозяйки.

Музеев в Борго много. Это и кунстхолл, и исторический музей, да все не перечислишь. И когда в понедельник большинство из них закрыто, другие гостеприимно распахивают двери, причем совершенно бесплатно (именно в этот день).

Два таких музея-соседа находятся в Новом Борго среди одноэтажных дощатых домов прошлого века. Когда спускаешься с крутых улочек Старого города, попадаешь словно в другой мир, в другой век, переносишься из Швеции в Россию. Жители Борго (да и не только они) считают, что дома, которыми застроена новая часть их города, принадлежат типично финскому архитектурному стилю. Мне бы не хотелось разочаровывать их по поводу «типичности», но если бы не стерильность и ухоженность улиц, я бы подумал, что брожу по одному из северных русских городов с добротными домами усадебного типа. В одном из таких зданий, широких и приземистых, жил некогда известный финский поэт XIX века Йохан Людвиг Рунеберг, с именем которого в Борго связано очень многое: есть и улица Рунеберга, и парход «Рунеберг», и даже торг!

В доме национального поэта сейчас музей, в котором царит такой уют, какой был наверняка при жизни хозяина. Сохранялись даже замечательные художественные принадлежности, не уступающие экспонатам лучших этнографических музеев.

В соседнем здании — другой «бесплатный» музей: квартира сына поэта скульптора Вальтера Рунеберга. Ему принадлежат такие работы, как, например, памятник отцу в знаменитом хельсинкском сквере Эспланада и Александру II на Сенатской площади.

Я заметил, что эти памятники отличаются двойственностью. Каждый постамент — это уже своеобразный аллегорический памятник, как бы дополненный основной скульптурой. В Рунебергу принадлежит также огромное количество бюстов величайших людей того времени. Честно говоря, было приятно видеть в обществе Монтемери и Хенрика Ибсена Софию Ковалевскую.

(Окончание следует)

Игорь ВОЛОВИК.

Редактор В. Н. КУДРЯВЦЕВ.

«Доктор, — сказал майор Синклер, — к следующему Рождеству вы непременно должны вернуться!» На дворе стоял полдень, и бурные проводы четы Карпентеров в Америку благополучно подошли к концу.

«Мы вернемся, — сказала миссис Карпентер, — я обещаю». «Я бы не стал обещать, дорогая, — сказал доктор Карпентер, — но мы постараемся. По крайней мере, я сам этого очень хочу». В конце концов, — заметила миссис Хевитт, — у вас контракт только на три месяца.

«Человек предполагает, а Бог, знаете ли, — начал было доктор Карпентер.

«А я говорю, что мы обязательно вернемся в Англию к Рождеству. И отпразднуем его вместе с вами», — твердо произнесла миссис Карпентер, с улыбкой глядя на своего мужа.

Гости зааплодировали: лучшей гарантии, чем слова очаровательной хозяйки, быть не могло. Все знали, что доктор подчиняется ей безропотно. Он всегда появлялся везде, где был обещан ему: на скучнейших университетских приемах, в гостях у ее энергичных подруг, на заседаниях трескучих благотворительных комитетов и бог знает, где еще.

Началось трогательное прощание. Все восхищались Германией (так звали миссис Карпентер), ее организаторским талантом. Ну, не разумно ли было решить ехать до Саутгемптона на автомобиле, чтобы без всякой спешки попасть на вечерний паром, ведь все знают, как в наше время связываться с железной дорогой, в последнюю минуту у них всегда что-нибудь отказывает, и потом грязные сиденья, слишком разговорчивые соседи... Да-да, доктору можно позавидовать, за ним отлично присматривают. Все мы, доктор, уверены в вашем успехе в Штатах, если с вами едет ваша добрая волшебница... Ах, вы увидите небоскребы! Ничего подобного в нашей старой доброй богоспасаемой... Германией, дорогая, пожалуйста, проследите, чтобы наш доктор не потерял там голову от всех этих американских штук. А то заманят его в какой-нибудь супергоспиталь... Конечно, всем нужен наш доктор! «Не волнуйтесь, — твердила миссис Карпентер, — я прослежу за ним... Он вернется у меня как миленький».

Последние распоряжения были сделаны блестяще. Домработница уже помыла всю посуду и отбыла с разумным вознаграждением, вложенным в голубой конверт, в свою очередь с поклоном опущенный в карман передника. Мужу было приказано подняться к себе и переодеться в дорожную, а именно: надеть ту коричневую твидовую пару, которая... ну, ты понял меня, дорогой! Сама миссис Карпентер взяла на себя остальные мелочи: закрытие бесчисленных дверей и дверок, выключение газа, электричества, звонки молочнику и почтальону с просьбами прекратить доставку, а деньги переслать в Вестминстерский банк на счет №... в общем все, на что мужчины, эти ми-

лые растяпы, не способны от рождения.

Доктор поднялся в спальню, открыл гардероб, но вынул оттуда не коричневый твидовый костюм, а почему-то старый заносенный халат, надел его, отворил дверь в ванную комнату и, перегнувшись через перила, позвал жену: «Германией, поднимись на секунду!» «Иду, пупсик!» — откликнулась та.

Легко взлетев по крутым ступеням, миссис Карпентер застала мужа ковыляющим в ванной: «Что случилось, дорогой, почему ты еще не одет? Фу, какая на тебе гадость! Я же просила выбросить это рвань еще месяц назад... Что ты там ищешь?» «Кто-то из гостей упустил золотую цепочку. Вот она — в трубе, попробуй достать — у тебя пальцы потоньше». «Где она? Что за чепуха, дорогой, я ничего не ви...»

Как только она наклонилась над ванной, удар куском свиновой трубы оборвал ее сердитое щебетание, а сияющий рупор раковины бесстрастно повторил мягкий, обжигающий звук сломанного затылка. Он взял ее за ноги и аккуратно уложил тело в ванну лицом вверх. Потом он вынул из-за пазухи сверток с инструментами, положил его на тумбочку, постелил на пол старые газеты и открыл кран. Воды не было. «Успела закрыть кран в подвале», — подумал он. С трудом сняв с нее всю одежду — ванна была довольно узкой, доктор сложил тряпки вместе со своим халатом в мусоросжигатель. Потом, абсолютно голый, вздохнул и пошел в подвал — включить воду. Он знал, где находился кран, потому что давно уговаривал жену сделать в подвале небольшой винный погребок, без всякого, впрочем, успеха. Чертыхаясь, в одних тапочках, доктор спустился по крутым ступеням, нащупал вентиль и выкрутил его до отказа. Одновременно он услышал звонок в дверь.

Звонок он ощутил не как звук, а как тычок раскаленной спицы. Куда-то под дых. «Черт! Кого черт несет?» — пронеслось в голове. Он еще лелеял слабую надежду, что звонить перестанут, но колокольчик надсаживался, будто возмущался страшный суд. «Все равно не выйду», — твердо решил про себя доктор, чувствуя, однако, что близок к тому, чтобы потерять сознание.

За дверью кричали: «Герберт! Германией!» Герберт узнал по голосам Валленфордов. «Голый! В угольной пыли! Кровь на руках! Пропал... пропало все...» — жалили сердце панические мыслишки.

«Герберт!» «Германией!» «Где, к черту, вы прячетесь!»

«Машина здесь — значит еще не уехали. Может, они к Лидделам зашли? А, все равно мы их должны новидать! Слышишь — вода наверху льется, там кто-то в ванной. Дай-ка я крикну...»

«Да ты что — неудобно!» «Может, ты и права, старуха, но я должен выпить со стариной Гербертом...»

«Ладно-ладно, выпейшь Гер-

манией сказала, что они до семи не уедут. Зайдем попозже».

«Ты думаешь? Герберт расстроится, если мы не пропустим с ним по стаканчику».

«Ладно, пошли. Придем к полседьмому».

Доктор Карпентер, обливаемый холодным потом, поднялся в ванную комнату, разложил инструмент и отточенными движениями одного из лучших хирургов мира выполнил задуманное за четверть часа. Потом он несколько раз спускался и поднимался, вынося из ванной аккуратно упакованные свертки, а когда все они оказались в подвале, вынул там небольшую яму — в углу; за кучей угля. Еще через десять минут доктор вышел из подвала, тщательно вымыл ванну, переоделся и сел в машину.

На улице было еще светло, но соседней он не боялся — любой мог подумать, что доктор едет один, потому что распорядитель Германией могла от править первой уладить какие-нибудь дела в Саутгемптоне.

Ночь застала его на корабле. Звезды приветливо подмигивали, свежий ветер дружески тербел остатки докторских волос, море вздрагивало во сне, и Герберту казалось, что жизнь только начинается. Он стоял на палубе, мечтательно шуршал в темноту, курил, стряхивая пепел в бездну, и думал, как он придет в Чикаго, встретит там Мэрион, которая ждала его уже вдовцом, как они отыщут небольшой американский городок вдали от смирных промышленных центров, как они будут счастливы, и как он напишет в свой родной город от имени Германией (слава Богу, она любила писать письма на машинке), что он получил в Америке выгодный контракт на несколько лет, и что дом они продавать пока не будут, что, конечно же, она будет еще писать, хотя у Герберта очень много работы и он никак не

сможет попасть в Англию раньше следующего года. А потом постепенно все забудется, о них перестанут вспоминать, и он решится как-нибудь приехать, чтобы продать дом. «Только не на Рождество», — вдруг произнес он вслух.

В Нью-Йорке он почувствовал себя свободным. Впервые в жизни. Он даже испытывал что-то вроде удовольствия, вспоминая о своем приключении накануне. К тому же в Чикаго была Мэрион.

В отеле, где доктор остановился, его уже поджидали письма, в основном адресованные жене. Карпентер сунул чаевые улыбочному клерку, взял пачку конвертов, и тут же ногтем большого пальца стал их вскрывать. Письма были от Волдингтонов, Синклеров, от священника и какой-то, видимо, счет из фирмы Холт и сыновья.

Друзья настаивали Германией не обольщаться Америкой и вести доктора обратно, как только кончится контракт. Карпентеров ждали на Рождество. Доктора это развеселило.

Насвистывая, он открыл последний конверт, тот самый с клеймом «Холт энд санз», пробежал его глазами и уже было хотел выбросить в корзину для мусора, но почему-то остановился и стал читать его снова.

Через несколько секунд он перестал насвистывать. Письмо гласило:

«Дорогая миссис Карпентер, наша фирма имеет честь подтвердить, что Ваш заказ будет исполнен точно в срок с использованием выбранных вами материалов. Мы выражаем Вам нашу признательность за доверие и, поскольку Вы оставили нам ключи от дома, приступаем к работе немедленно. Расширение подвала, установка там рефрижератора и обустройство винного погреба будут закончены к Рождеству.

Искренне Ваши,
Пол Холт и сыновья.
Перевел С. ПРОТАСОВ.

СКУКА

Перестук осенней скуки:
Скука, скука. Скука — скука!
Суковатые извивы
Пыльных бедер ощущают
Глупость моего позора:
Из неистовых скитаний —
В стылый скит такой зануды!
Я привык влюбляться в скуку —
Пусть становится скучнее.
Я привык ей отдаваться —
Отчего бы? — Так, со скуки.
Толчея в часах песочных.
Плеск часочный, соска суток,
Бестолковый стукл песчинок.
В узкой талии стеклянной —
Это там родится время —
Оттого такая скука.
Толчея в часах песочных.
Тень потерянных хотений.
Скукота пустых вокзалов.
Светосток лучей морозных
На настенные обои.
Скука вечером и утром,
Скука в праздники и будни.
Вопль насыпанного снега —
Белый скок застывшей скуки!
Ничего уже не будет —
Только в поле зыбких знаков
Ветер землю гнет и ломит,
Только небо просыпает
Перестук осенней скуки:
Скука, скука, скука — скука.

Алексей ЛУЩЕКИН

По всему простору леса
Светлый лепет новых листьев,
А вокруг летает ветер,
Листья весело лаская.
Шепчут детскими словами,
Разговаривая с ветром —
Оттого и непонятно.
Словно девушку целую
Листья нежные ладоши...
Пусть все время будет лето!
О своем лепечут листья,
Надоев висеть на ветках —
Улетают, словно птицы...
Век бы жить своею волей!
Полтру всплывает Солнце,
Все холодные ладоши
Оделяя подаянием...
Манит роща яблонь рая.
Мне, до края не старая, —
Не увидеть берег мира!
Оглянись, и пусть растает
Вдалеке беспечный лепет.
Ветер с облаком играет,
Ветер лепит в скалах лики.
Я проснулся утром ранним —
Надо мной сияет небо,
Светит солнце в небе синем.
Этот мир — такой огромный.
Позади — так мало было...
Осени меня свободой!